

АРХИТЕКТУРА

УДК 726.03+726.54

Деревянное храмовое зодчество Каргополья и Поонежья XVII–XVIII веков*

Е. В. Ходаковский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
АНО «Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества “Традиция”»,
Российская Федерация, 125445, Москва, Ленинградское шоссе, 130

Для цитирования: Ходаковский, Евгений. «Деревянное храмовое зодчество Каргополья и Поонежья XVII–XVIII веков». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 14, no. 3 (2024): 561–580. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2024.307>

Анализируются типологическое многообразие и художественно-выразительные средства деревянной церковной архитектуры Каргополья XVII–XVIII вв. — одного из наиболее интересных регионов Русского Севера. Рассмотрение конфигураций покрытий основных объемов продемонстрировало самое широкое бытование в Каргополье различных способов венчаний. Кубоватые храмы Каргополья представляют собой значительную часть памятников этого типологического подвида, локализованного также в Нижнем Поонежье и Южном Беломорье. Одновременно в Каргополье прослеживается концентрация храмов с клинчатой кровлей и бочечным верхом. При изучении объемно-пространственных решений установлено, что восьмериковые церкви Каргополья заметно выделяются на фоне таких универсальных и внерегиональных композиций, как «восьмерик на четверике с трапезной» или крещатые церкви. Башнеобразные храмы, как и шестериковые колокольни Каргополья, можно рассматривать и на фоне фортификационного зодчества Поонежья, получившего в XVII столетии мощный импульс в связи со строительством Каргопольского, Усть-Мошского и Турчасовского острогов. Каргопольские трапезные «со свободной связью» также становятся своеобразным локальным феноменом. Основной чертой ансамблевого характера каргопольской архитектуры является связанность воедино составных элементов с помощью

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-01625 «Деревянные храмы нижней Онеги XVII–XIX веков. Архитектура, типология, традиции», <https://rscf.ru/project/24-28-01625/>.

папертей, галерей и переходов. Проведенное исследование своеобразия деревянного церковного зодчества Каргополья XVII–XVIII вв. позволяет сделать вывод о единстве и преемственности ярко выраженных локальных черт и приемов. Натурные обследования памятников и привлеченные архивные источники по истории храмостроительства Каргополья свидетельствуют о колоссальном творческом потенциале, который был в полной мере реализован в течение XVII–XVIII столетий в живописном многообразии форм как отдельных памятников, так и общих ансамблевых решений. Не менее важно и то, что каргопольская традиция не осталась замкнутой в себе. Ее распространение на смежные регионы и переплетение с архитектурой Нижнего Поонежья и Поморья масштабируют архитектуру Каргополья и делают ее одним из наиболее ярких и крупных явлений в широкой панораме памятников деревянного зодчества всего Русского Севера.

Ключевые слова: деревянная архитектура, Русский Север, Каргополь, Каргопольский район, Поонежье, церковное зодчество, история русской архитектуры.

Деревянная архитектура Каргополья с конца XIX в. привлекает внимание исследователей. Труды В. В. Сулова [1–4], К. А. Докучаева-Баскова [5; 6], С. Я. Забелло [7], Г. В. Алферовой [8], Г. П. Гунна [9; 10], М. И. Мильчика [11–13], Н. И. Уткина [14–18], А. Б. Бодэ [19–25] сформировали обширную историографию и представили значительный объем накопленного фактологического материала. В 2011 г. А. Н. Старицын опубликовал необычайно ценный архивный документ, позволяющий существенно расширить представление о каргопольском деревянном приходском строительстве XVII — первой трети XIX в., уточнить датировки и посвящения церквей, а также их типологические особенности [26]. На следующем этапе возникают задачи изучения этой темы в теоретическом ракурсе, направленном на выявление признаков, которые раскрывают своеобразие деревянной церковной архитектуры Каргополья XVII–XVIII столетий.

Особый характер развития Каргополья обусловлен его географическим расположением, объединяющим два древних пути в Заволочье — от Новгорода и Белозерья. Первый, с востока, шел от Онежского озера и далее по рекам Водле и Кене, второй — с юга, где озера Лаче и Воже связывали Каргополье с Белозерьем [27, с. 63–4]. Впадающие в Онегу реки Кена, Волошка и Моша связывали эту территорию в единое целое, а далее на полпути к Белому морю Биричевские пороги и Емецкий волок создавали естественный рубеж, отделявший Каргополье от Нижнего Поонежья и бассейна Северной Двины. Н. И. Тормосова обращает внимание, что «только в бассейне Верхней Онеги волок образуют некий условный “круг”. Он очерчивает южную половину Поонежья и замыкает Каргополье со всех сторон “волоковыми” водоразделами. Условно это можно назвать историко-географическим каркасом Каргополья» [28, с. 15]. Все эти природные факторы способствовали формированию особого, локального, характера культуры Каргополья, даже несмотря на обширные административные границы Каргопольского уезда в XVI–XVII вв., простиравшиеся до Онежской губы Белого моря [29, с. 77–87]. Ю. С. Васильев, который ввел в научный оборот важнейшие письменные источники по истории Русского Севера, также подчеркивает обособленность Каргопольского уезда, который «имел два значения: широкое — относящееся ко всей территории бывшей Онежской земли, узкое — только к ее южной части (Каргопольскому стану)» [30, с. 8]. Все эти обстоятельства и стали предпосылками, которые предопределили особую специфику каргопольской

деревянной архитектуры, имеющей ярко выраженный местный характер. При этом представляется целесообразным рассматривать как принадлежащие именно каргопольскому историко-культурному и географическому ареалу некоторые погосты, которые позже искусственным образом были включены в состав Пудожского уезда Олонецкой губернии (Бережная Дуброва, Конёво, Красновский погост) или Онежского уезда Архангельской губернии (Пабережский и Ямецкий приходы).

В первую очередь необходимо обратить внимание на свойственные для Каргополя конфигурации завершений основного объема церковных построек и самое широкое бытование кубоватых, клинчатых и бочечных покрытий.

Вопрос о генезисе и первоисточнике кубоватой формы остается сложным, однако очевидно, что храмы этого типологического подвида (по классификации В. П. Орфинского и И. Е. Гришиной [31, с. 108]) получают свое распространение по всей обширной территории Каргопольского уезда, включая Турчасовский стан. На территории Верхнего Поонежья церкви с кубоватым верхом появляются уже в 1670-е годы: в 1677 г. строятся храмы Св. Пророка Илии в Усть-Волгском погосте и на следующий год — Рождества Богородицы в Бережной Дуброве. На протяжении всего последующего XVIII столетия кубоватое завершение останется одним из характерных признаков каргопольского деревянного зодчества, о чем свидетельствуют церкви Св. Архистратига Михаила Архангельского погоста (1713–1715) [26, с. 275], Св. Троицы Пабережского прихода (1724), Св. Архистратига Михаила в Ноколе и Св. Николая Чудотворца Надпорожского прихода. Последние два храма датированы одним годом — 1792 [I, л. 133, 173], что косвенно свидетельствует не только об интенсивности строительства в Верхнем Поонежье в конце XVIII столетия, но и о прежней приверженности кубоватой форме, сохраняющей присущие местной деревянной архитектуре традиционность, декоративность и своеобразие. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Нокола издавна принадлежала Крестному монастырю на Кий-острове, в вотчинах которого еще во второй половине XVII столетия церкви с кубоватым верхом получают самое широкое распространение.

Следующей особенностью, характерной для каргопольского деревянного зодчества, являются частые примеры церквей с клинчатой кровлей. Говоря об их локализации, А. Б. Бодэ обращает внимание, что она охватывает «главным образом бассейны реки Онеги и Северной Двины. Наибольшее сосредоточение храмов с клинчатыми покрытиями наблюдается в районе верхнего течения Онеги. На Нижней Онеге и на побережье Онежской губы Белого моря объекты расположены более разреженно» [22; 25, с. 235]. Эта региональная особенность каргопольской деревянной архитектуры проявляется вскоре после окончания Смутного времени. В 1622 г. в Писцовой книге Усть-Мошского стана в волости в Никольском приходе на Пабережье значится «на погосте церковь Николы Чудотворца строение приходских людей» [32, с. 168]. По данным Н. А. Макарова, она была воздвигнута в 1602 г. [33, с. 215]. Можно предположить, что именно этот храм стоял в приходе до начала 1840-х годов, когда он был изображен на листе с рисунком «прежней ветхой церкви» в деле о ее поправке [II, л. 5]. Дополнительным аргументом в пользу древности Никольской церкви Пабережского прихода можно считать и устройство клинчатой кровли с архаичной частослеговой конструкцией, которая является косвенным датирующим признаком.

Церкви с клинчатыми кровлями характерны и для монастырского зодчества Каргополя середины XVII в. В «Книгах росписочных» строителя Кирилло-Чел-

могорской пустыни иеромонаха Макария упоминается построенная по грамоте митрополита Киприана от 1633 г. «на монастыре церковь во имя чудного Богоявления Господа нашего Иисуса Христа, холодная, на верху рублен четверик, вершен клином» [5, с. 245]. К 1643 г. относится известный храм Богоявления Елгомской пустыни, зафиксированный Д. В. Милеевым еще в 1911 г. [34, с. 142–4]. Дальнейшее распространение этого типологического подвида в Каргопольском уезде в середине — второй половине XVII столетия снова связано с приходским строительством. По порядной записи 1650 г. о возведении Никольской церкви в Шалакушском (Шалякушском) приходе было условлено «храм поставить клинчатой с маковицей в вышину девять сажен» [III, л. 294]. Ведомость XIX в. относит его к 1660 г. Возможно, строительство растянулось на несколько лет или же в документы вкралась неточность [I, л. 185]. Внушительные размеры и выразительный силуэт этой постройки оставляли сильное впечатление: К. Коровин, создавший знаменитый этюд церкви в Шалакуше (1894, Рязанский государственный областной художественный музей им. И. П. Пожалостина), называет ее «видением красоты», правда, спустя почти 30 лет ошибочно именуя село «Шалуктой» [35, с. 425]. Почти одновременно с церковью в Шалакуше в Каргопольском уезде была сооружена Никольская церковь Шежемского прихода, которая, по изысканиям А. Н. Старицына, восходит к периоду патриаршества Никона (1652–1667) [26, с. 274]. В середине XIX в. в Шежемском приходе по-прежнему стояла одна церковь «во имя св. Николая Чудотворца деревянная, клинчатая, одноглавая..., мерою трех саж[ен], холодная с трапезой теплою, стенами ветха, а крыши поновлены» [26, с. 284]. М. И. Мильчик и А. Б. Бодэ предполагают, что клинчатый верх имела и церковь Спаса на Валушках внутри каргопольской крепости (1662) [12, с. 34]. Завершает вереницу храмов XVII в. с клинчатым верхом Успенская церковь Заднедубровского прихода (1675).

Эта традиция не угасла и в XVIII столетии, когда храмы с клинчатой кровлей продолжали строиться регулярно. В 1705 г. в Канакшанском приходе была возведена Троицкая церковь «деревянная, холодная, крестообразная, трех с половиною сажен с клинчатым шатром, одноглавая, при ней трапеза теплая с приделом» [26, с. 283]. Храмы с клинчатым верхом могли формировать целые ансамбли. Так, в Лепшинском приходе на погосте две из трех церквей были клинчатые: «1) Рождества Пресв[ятой] Богородицы 3-х сажен с трапезою теплою, клинчатая, одноглавая, построена 1734 года на счет приходских людей. 2) Николая Чудотв[орца] 3-х с половиною сажен, одноглавая, клинчатая, присоединена к вышеозначенной церкви папертью; построена неизвестно когда. 3) Илии Пророка четырех сажен, кругловидная, шатровая» [26, с. 279]. Наконец, одна из самых поздних построек в этом типологическом ряду — Георгиевская церковь Порженского погоста (1782), однако демонстрирующая явные архаизирующие тенденции в композиционном решении основного объема.

Дополняют картину бытования построек с клинчатой кровлей и многочисленные часовни Каргополья (Задняя Дуброва, Кириллово, Луги, Зашондомье, Варварская, Авдотьино, Конёво) и смежных территорий, например в Кенозерье (Вершино, Глазово, Мамонов остров). И хотя подобная конфигурация характерна для покрытий основного молеельного помещения церквей и часовен некоторых других регионов — Поважья, Подвинья или Пинежья, их локализация в пределах Каргополья, безусловно, является ярко выраженной чертой местной деревянной архитектуры XVII–XVIII вв.

Третий типологический подвид, характерный для каргопольского деревянного строительства, связан с распространением церквей с покрытием основного объема бочкой. Этот аспект детально изучен еще в середине 2000-х годов Л. Г. Шаповаловой [36] и А. Б. Бодэ [21], которые систематизировали сведения об этой группе храмов. «Верх бочкой», как и клинчатая кровля, известны не только на территории Каргополья. Однако именно к этому ареалу относятся наиболее частые упоминания о существовании церквей с бочечным покрытием, причем в относительно непродолжительный временной период на рубеже XVII–XVIII вв.

Наиболее ранним из известных сооружений в этой группе могла быть церковь Спасозерской пустыни. Точная дата ее возведения неизвестна, однако есть сведения об освящении монастыря в 1647 г. [IV, л. 29 об.], поэтому храм, запечатленный на фотографии И. Я. Билибина, вполне мог быть возведен в этом году. Церковь Спаса на Валушках в каргопольской крепости (1662), судя по изображению на иконе Свв. Бориса и Глеба из собрания Каргопольского музея, имела бочечные завершения над боковыми приделами. Описание Успенского храма Кирилло-Челмогорской пустыни в вышеупомянутых «Книгах росписочных», составленных в 1687 г., не оставляет никаких сомнений в том, каким способом было устроено его завершение: «Церковь теплая Успения Пресвятыя Богородицы, верх бочкою, на главе крест поян белым железом» [5, с. 247]. Л. Г. Шаповалова вслед за К. А. Докучаевым-Басковым считает, что Успенский храм был поставлен в 1674 г. вскоре после пожара [5, с. 239–40; 36, с. 209]. Следующие по хронологии сведения о бытовании в Каргополье церквей с бочечным завершением, также связаны с монастырским строительством: 12 апреля 1692 г. была составлена порядная грамота на возведение трапезной церкви Рождества Богородицы в Спасском монастыре (Строкиной пустыни) в Каргополе, подробно проанализированная М. И. Мильчиком [13]. Примечательно, что еще как минимум два храма с завершением бочкой — в Елгомской (1714) и Ямецкой Благовещенской (1719–1725) пустынях — также были монастырскими, на основании чего А. Б. Бодэ и А. А. Терентьева делают во многом справедливое наблюдение: «Клетские церкви, покрытые бочкой, были предпочитаемы в небольших монашеских обителях» [23, с. 113]. Однако есть и исключения — храмы Спаса на Валушках в самом Каргополе, Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи Почозерского погоста, а также часовня в Маркомусах. Одним из самых поздних примеров бочечного завершения стала церковь Покрова Пресвятой Богородицы Ольховского погоста, грамота на освящение которой была выдана 15 апреля 1756 г. [V].

Подводя итог анализу типов завершений, характерных для каргопольской архитектуры XVII–XVIII вв., необходимо коснуться конфигураций кровли не только на основных объемах, но и на алтарных прирубках. Зачастую именно устройство алтарей и их венчания становятся отличительным признаком той или иной региональной группы, как, например, пятистенные алтари с мощными повалами в памятниках среднего течения Северной Двины (Пучуга, Березник, Ростовское, Заостровье, Кургоминье, Ратонаволоки) или двускатные с полицами покрытия в Беломорье (Малышуйка, Пурнема, Шуерецкое). Алтарный прируб ряда каргопольских храмов второй половины XVII — середины XVIII в. увенчан массивной бочкой, высота которой соотносима с высотой самого прируба, как, например, в храмах Св. Илии Пророка Усть-Волгского погоста (1677), Св. Николая Чудотворца в Волосово (1670), Рождества Богородицы в Бережной Дуброве (1678), Преображения Господня в Ольховском

погосте (1690), Св. Троицы в Елгомской пустыни (1714), Св. Архистратига Михаила в Архангело (1715), Преображения Господня в Верхнечурьевском погосте (1754). Подобная тенденция еще раз подтверждает устойчивость бочечной формы завершения в каргопольском храмостроительстве. Она могла быть как самодостаточной и доминирующей при покрытии основного объема, так и вспомогательной на алтарях церквей с шатровым верхом, где бочка сохраняла свой монументальный характер в сочетании с декоративным изяществом килевидного контура и диагональных полиц. Не исключено, что эта особенность связана и с частыми на Каргополье случаями размещения рядом двух алтарей, что требовало увеличения восточного прируба и соответственно укрупнения венчающей его бочки для достижения гармонизированного пропорционального соотношения несущего и несомого объемов.

При исследовании способов устройства кровельных покрытий не всегда удается решить вопрос о типологической принадлежности некоторых пятиглавых храмов Каргополья, упоминаемых в источниках. Например, Никольская церковь Ошевенского монастыря описывается как «деревянная во имя Святителя Николая Чудотворца о пяти главах, крытых чешуею, построена и освящена в 1709 г. июня в 7-й день» [VI, л. 35]. А. Н. Старицын публикует сведения о церкви в Лекшморецком приходе «св. пророка Илии с пределом св[ятых] мученик[ов] Флора и Лавра деревянная же холодная и пятиглавая, древнего же здания, построена 1690 года» [26, с. 277]. Эти утраченные постройки могли иметь и кубоватое завершение, поскольку зачастую как «пятиглавые» описываются известные кубоватые храмы в Ноколе и Ольховском приходе, и какое-либо иное.

Продолжая анализ объемно-пространственных решений, характерных для деревянной храмовой архитектуры Каргополья, необходимо обратить внимание на распространение церквей «восьмериком от пошвы», т. е., по В. П. Орфинскому и И. Е. Гришиной, относящихся к виду храмов «с идущим от земли развитым храмовым столпом» [31, с. 94]. Каргополье, наряду с обширным бассейном Северной Двины и онежско-ладожским Межозерьем, представляет собой территорию с ярко выраженной и устойчивой традицией возведения башнеобразных церквей.

Наиболее ранними представителями этой региональной группы мог быть храм св. Николая Чудотворца Шильдского погоста, упомянутый еще в 1615 г. [28, с. 507], и «кругловидная, шатровая» Ильинская церковь Лепшинского прихода, по «Сведениям о приходах каргопольских» построенная «неизвестно, когда» [26, с. 279]. Вероятно, именно она значится в Писцовой книге Усть-Мошского прихода за 1622 г.: «волость на Лепшеозере, а в ней на погосте церковь Илья пророк строенье приходных людей» [32, с. 180]. Вполне возможно, что именно этот храм все еще стоял в середине XIX в. О малоизвестной церкви Св. Параскевы Пятницы Красновского прихода имеются сведения, что ее возвели в 1653 г., и по описи середины XIX в. она была охарактеризована как «холодная, шатровая, осьмиугольником, с одною главою и двумя куполами — над олтарем и с запада, и с двумя входами — с севера и с запада» [VII]¹. Через два года, в 1655 г., была сооружена знаменитая восьмериковая шатровая Сретено-Михайловская церковь в Красной Ляге. Эта тенденция была продолжена при строительстве в 1660 г. в соседнем Ловзангском приходе Ни-

¹ Автор выражает глубокую признательность заместителю директора по научной работе Каргопольского музея Ольге Борисовне Пригодиной за предоставленную ценную архивную информацию по истории церквей Красновского прихода.

кольского храма [I, л. 63 об.; 37]. Несмотря на то что он был утрачен еще в середине XIX в., отраженные сведения о его размерах (21 сажени в высоту, 11 в длину) позволяют сопоставить его пропорции с Сретено-Михайловской церковью в Красной Ляге (18 сажени в высоту и 9 — в длину) [26, с. 278, 276]. В 1675 г. был поставлен еще один известный башнеобразный храм Каргополья — Св. Пророка Илии в Задней Дуброве [38; 39]. В этой же череде памятников XVII в. нужно рассматривать и Никольскую церковь в селе Астафьево на р. Свидь, хотя и относившегося к Кирилловскому уезду Новгородской губернии, но географически близкого к Каргополю. Этот храм обычно относят к середине столетия [40, с. 64–5].

В XVIII в. продолжение этой локальной традиции наблюдается не сразу. Только в 1754 г. была сооружена Преображенская церковь Верхнечурьевского погоста (в селе Агафоновском), досконально исследованная В. В. Сусловым, Ю. С. Ушаковым и И. Н. Шургиным [2; 41; 42]. Далее в 1775 г. поставлены шатровый башнеобразный храм Благовещения Усть-Мошского прихода [I, л. 94] и почти сразу же, в 1777 г., — церковь Св. Георгия Победоносца Речно-Георгиевского прихода, о которой отдельно указано, что она «снизу строена осмериком» [26, с. 303–4]. Самой поздней в этом ряду каргопольских башнеобразных восьмериковых храмов стала церковь Богоявления в Ошевенском, которую начали строить после пожара 1784 г., а освятили только в 1794 г. [43, с. 16]. Ее особенности, как заметил И. Н. Шургин, «указывают направление, по которому пошло изменение изучаемого типа храмов. Это появление с западной стороны восьмерика обширной трапезной на месте компактного прируба и окружавшей его галереи-паперти, благодаря чему намечился переход к иной плановой композиции — так называемому кораблю, когда все помещения церковного здания последовательно размещались по оси запад — восток» [42, с. 193]. Подробное описание церкви Речно-Георгиевского прихода, находившейся неподалеку от Ошевенского и построенной девятью годами ранее, подкрепляют выводы И. Н. Шургина об эволюции поздних башнеобразных церквей, поскольку при восьмериковом Георгиевском храме упоминается «трапеза теплая с приделом, покрыта на два ската» [26, с. 304], как и в Ошевенском.

Рассмотрев региональные особенности покрытий основного объема кубом, клинчатой кровлей или бочкой, а также особо выделив в архитектуре каргопольских деревянных церквей башнеобразный тип храма «восьмериком от земли», необходимо перейти к анализу вспомогательных объемов — трапезных и тесно связанного с ними феномена многопридельности.

Значительный вклад в изучение северных деревянных трапезных сделан Н. Н. Уткиным [15; 16]. Он заострил внимание на таком явлении, как трапезные «со свободной связью», т. е. когда церковь и примыкающая к ней трапезная представляли собой автономные срубы. Это можно объяснить разным режимом эксплуатации теплых приделов в трапезных в зимнее время и неотапливаемых храмов в летний период, что предполагало разную степень износа древесины и необходимость переборки сруба трапезной или даже полной ее перестройки как заменяемого независимого «модуля».

Одним из ранних датированных примеров сосуществования теплой трапезной при холодной церкви являлся храм Рождества Богородицы в Красной Ляге, построенный, по сведениям А. Н. Старицына, в 1618 г. [26, с. 276]. Далее к этой группе можно отнести церковь Спаса на Валушках (1662), известный храм Св. Иоанна

Златоуста в Саунино (1665) и церковь Благовещения (XVII в.) Лекшморецкого прихода с трапезной и теплым приделом во имя свв. Зосимы и Савватия Соловецких [26, с. 277]. С наступлением XVIII столетия эта традиция не приостанавливается: в 1707 г. в документах, относящихся к строительной истории Каргополя, вновь упоминается церковь Спаса на Валушках, где по заключенной 31 марта порядной записи предписывалось «старую трапезу с папертью и с колокольной разобрать и место очистить и снова ту трапезу на слань с папертью и с колокольной переставить» [12, с. 148]. В 1730 г. была сооружена трапезная при храме Рождества Богородицы Бережнодубровского прихода [33, с. 152], а в 1743 г. в Большой Шалге появилась Рождественская церковь с теплым Благовещенским приделом в трапезной. Подобная тенденция продолжается и во второй половине XVIII столетия: в 1763 г. была пристроена трапезная с теплым приделом к храму Рождества Св. Иоанна Предтечи Лимского прихода (1708), в 1765 г. освящается придел в трапезной при древней Никольской церкви в Волосово и в том же году была начата церковь Св. Филиппа Митрополита в Верхнечурьевском приходе, в которой сразу же был устроен Богоявленский придел. Также в один 1777 г. были построены церкви с теплым приделом в трапезной в Речно-Георгиевском и Вадыньском погостах [I, л. 145; 26, с. 280, 304].

О том, что традиция возведения теплых трапезных при холодных церквях была в Каргополье глубоко укорененной, свидетельствует инерция этой практики даже в XIX в., когда кардинальным образом меняется организация и осуществление приходского храмостроительства. Например, если Троицкая церковь Канакшанского прихода была поставлена в 1706 г., то теплый придел в ней появился только в 1832 г. [26, с. 283]. В 1839 г. к древнему Ильинскому храму (1675) в Задней Дуброве была пристроена трапезная [34, с. 145]. Но и тогда сохранялся прежний архаичный порядок, по которому сначала возводилась теплая трапезная с приделом, а потом — холодный храм. Так было в Канакшанском приходе, где после пожара 1848 г. спустя семь лет сначала была поставлена вчерне церковь с приделом во имя Сретения Господня, а затем в 1860 г. освящен и холодный храм во имя Св. Троицы [44]. В Красной Ляге, после того как 4 марта 1864 г. «сгорела церковь 1612 г. Рождества Пресвятой Богородицы», крестьяне пожелали соорудить храм вновь «с теплою трапезою во имя Свят. мученицы Параскевы и при ней колокольную» [VIII, л. 1–1 об.]. В этом случае также сохранилась прежняя средневековая последовательность. Возможно, прихожане ожидали, что работы могут растянуться на несколько лет, и поэтому сначала была построена теплая трапезная, ставшая зимней церковью. Крестьяне в своем прошении объясняли это следующим образом: необходимо «устроить в трапезе приличный иконостас из старого иконостаса и икон, сохранных в пожаре, и тем избавиться нам от стужи, которую терпим мы в холодной церкви при богослужениях уже пяти зим» [IX, л. 14]. В материалах начала XVIII в. встречается и упоминание о трапезных при часовнях, что еще больше подчеркивает их общественную значимость в труднодоступных селениях: «Каргопольского уезда в Водлозерской волости деревня Калгачево, на озере, а в той деревне часовня с трапезой деревянная Одигитрия Пресвятыя Богородицы» [X, л. 446].

С особым, по сути автономным и самодостаточным характером каргопольских трапезных неразрывно связана и многопридельность, которую также можно выделить в качестве региональной черты. Обычно сложносоставные многопридельные композиции характерны для монастырских церквей, что подтверждается описани-

ями известных обитателей Каргополья. Например, Введенская церковь Хергозерской пустыни освящена 9 ноября 1658 г., через полгода, 2 мая 1659 г. освящен Никольский придел того же храма [VI, л. 32 об.]. Но уже к началу XVIII в. во Введенском храме было четыре престола: «Хергозерская пустыня, в ней две церкви. Церковь Живоначальная Троицы, в пределе у церкви служба преподобного Макария Желтоводского чудотворца. Другая церковь четыре службы с трапезой теплая. Служба Введения Пресвятые Богородицы, другая служба Николая Чудотворца, третья служба Трех Святителей Петра, Алексия, Ионы, служба Александра Свирского чудотворца. Древянные, строение монастырских людей» [X, л. 441]. В Елгомской пустыни также описываются две церкви, каждая с приделами: «Церковь Богоявления Господня, в пределе Положение Ризы Пресвятые Богородицы, другая церковь теплая Живоначальная Троицы, в пределе святых мученик Бориса и Глеба, деревянные, строение Чудова монастыря монаха Тарасия» [X, л. 450]. Каменный Успенский собор Александро-Ошевенского монастыря (1712) подтверждает тенденцию к многопрестольности монастырской архитектуры, не только деревянной.

Тем не менее приходское строительство Каргополья демонстрирует столь же сложные композиционные решения, продиктованные как близостью известных и почитаемых монастырей, храмы которых могли служить образцами, так и практической необходимостью за счет теплых и холодных приделов обеспечивать круглогодичный богослужебный цикл. Здесь следует обратить внимание, что приделы могли не только устраиваться по мере возникновения необходимости, но и возводиться одновременно с главным престолом. Так, в 1718 г., несмотря на большое количество по всему Каргополью «дворовых мест пустых», некоторые храмы сооружались сразу же с приделами: «Волость на Моше озере в Николаевском приходе, а в ней погост. На погосте две церкви. Церковь Рождества Пресвятые Богородицы, у той церкви в пределе святые мученик Флора и Лавра, да в пределе теплом церковь преподобного Александра Ошевенского чудотворца. Другая недостроена Николая Чудотворца, у той ж церкви пределех строяца церковь Вознесения Господня, в другой святые великомученицы Парасковии, нареченная Пятница, деревянные. Строение приходских людей» [X, л. 97]. В том же 1718 г. шли работы и в Ошевенской слободе: «На погосте церковь Богоявления Господня, другая Иоанна Богослова, были деревянные, сгорели в прошлом 15-м году. А ныне на том месте строится церковь Иоанна Богослова, да в пределе священномученика Власия вновь строится на том погорелом месте деревянная на том же погосте» [X, л. 399]. Фиксируется и сооружение новых приделов в старых храмах. Так, в Красновской волости «церковь великомученицы Параскевы Пятницы с трапезой, вновь пристроены две церкви теплые: церковь Трех Святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, другая церковь Антония Сийского чудотворца. Строение деревянное приходских людей» [XI, л. 574]. Тогда же упоминается и новый теплый придел в трапезной церкви Ундозерской волости: «...на погосте церковь Введения Пресвятые Богородицы, да вновь построена церковь у трапезы теплая Великомученицы Параскевы, строения прихоцких людей» [X, л. 85].

Вполне закономерно, что на Севере именно посвящение теплых приделов, которые обычно устраивались в первую очередь, закрепляло в коллективной исторической памяти народное именование той или иной церкви. Известный Никольский храм Павловского прихода получил свое название именно благодаря престолу во

имя свт. Николая Чудотворца, освященного еще в 1659 г., в то время как главный алтарь во имя Положения Ризы Пресвятой Богородицы был пристроен только в 1703 г. [26, с. 267]. В Печниково приходская церковь, известная как Косьмо-Дамиановская, имела, тем не менее, главный престол во имя Всемилоственного Спаса. К. Петров, описывая ансамбль Усть-Мошского прихода, называет «Богословской» шатровую церковь во имя Благовещения [45, с. 104–5]. В Ловзанге новая церковь во имя Богоявления в 1869 г. получила свое посвящение от теплого придела прежней, построенной еще в 1650 г.

Многопридельный характер храмов Каргополя связан не только с широкой практикой устройства дополнительных престолов в трапезных, но и с размещением двух приделов в холодных храмах XVII в. — во имя Сретения и Архистратига Михаила в Красной Ляге (1655), Св. Николая Чудотворца и Св. Кирилла Белозерского в Ловзанге (1660), Св. Николая Чудотворца и Покрова Богородицы в Волосово (1670), Рождества Богородицы и Сретения в Бережной Дуброве (1678, 1700), Св. Пророка Илии и Свв. Флора и Лавра в Лекшморецком погосте (1690). В XVIII — начале XIX столетия эта традиция продолжилась в архитектуре церквей Св. Троицы и Свв. Бориса и Глеба Елгомской пустыни (1714), Преображения и Владимирской Иконы Божией Матери в Верхнечурьевском погосте (1754) и Сретения Господня с приделом Св. Вмч. Георгия Архангельского погоста (1803). Это сказалось на особой конфигурации двойных алтарных прирубов («в виде двух соединенных полувосьмигранников», по выражению В. В. Сулова [2, с. 81]), ставшей узнаваемой особенностью восточного фасада многих каргопольских деревянных церквей.

Типологическое разнообразие и сложносоставной характер композиции храмов Каргополя повлияли и на общую пространственную организацию монастырей и погостов. Их главной отличительно чертой стало соединение отдельных элементов в единый комплекс, когда летний и зимний храмы связывались друг с другом галереями и переходами. Наиболее ярко об этом свидетельствует Почозерский погост. При всем различии за счет высотных контрастов типов завершений и размещении двух смежных храмов по разным параллельным осям ансамбль сохраняет цельность благодаря галерее, соединяющей шатровую церковь Происхождения Честных Древ с трапезным храмом Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи, откуда, в свою очередь, устроен переход в колокольню. Совокупность всех объемов, их взаимодействие друг с другом, сочетание срубных и каркасных конструкций позволяют сопоставить Почозерский погост с другим известным ансамблем Каргополя — Ошевенским монастырем, известным по многочисленным иконам с фигурой св. преп. Александра Ошевенского на фоне основанной им обители. Подобная тенденция к живописной и сложной компоновке просматривается и в храмах Бережной Дубровы и Павловского погоста.

Особый характер композиции каргопольских погостов, где элементы ансамблей соединяются друг с другом галереями-переходами, отмечается в письменных источниках и публикациях XIX — начала XX в. Так, в Лепшинском погосте в 1830-е годы стояли церкви «Рождества Пресв[ятой] Богородицы 3-х сажен с трапезою теплою, клинчатая, одноглавая, построена 1734 года на счет приходских людей... <...> Николая Чудотв[орца] 3-х с половиною сажен, одноглавая, клинчатая, присоединена к вышеозначенной церкви папертью» [26, с. 279]. В 1862 г. К. Петров в своих путевых заметках делится впечатлениями об одном из наиболее грандиозных

комплексов Каргополя — ансамбле Усть-Мошского погоста, обращая особенно внимание на сочленение храмов Рождества и Св. Иоанна Богослова: «...когда взглядишь в церковь попристальнее, то нельзя не заметить, что тут две церкви соединены в одну. От этого соединения фасад церковного здания принял своеобразную форму. Передняя церковь Рождественская построена в виде длинного терема, с тремя высокими главами под самым алтарем; другая церковь, во имя Иоанна Богослова — огромная осмиугольная пирамида с пристройками для паперти и алтаря; между обеими церквями сени, чрез которые ход в обе церкви. Рождественская церковь гораздо ниже Богословской, так что средняя глава первой находится на одной горизонтальной линии с главою над алтарем второй; притом надо заметить, что башня Богословской церкви в два раза выше Рождественской церкви. Когда соединены церкви в одну, я не мог узнать, но по всему видно, что связь между ними построена незадолго после основания самих церквей» [45, с. 104]. В. В. Суслов, побывав на Верхнечурьевском погосте, оставил схематичный план Преображенской церкви, соединенной галереей-переходом с колокольной [34, с. 139]. В материалах Императорской Археологической комиссии содержатся сведения, что теплая церковь Ольховского погоста «соединена с холодной коридором» [34, с. 161], а в Задней Дуброве «обе церкви и колокольня соединены коридором» [34, с. 145], как это было в Александро-Ошевенском монастыре.

Среди других региональных особенностей деревянной архитектуры Каргополя можно отметить шестериковые колокольни, на что ранее обратил внимание А. Б. Бодэ при анализе ансамбля в Саунино: «Шестигранная форма срубов в культовом зодчестве встречается редко, чаще она использовалась в оборонительных сооружениях. В районе верхнего течения Онеги сложилась традиция строительства рубленых шестигранных колоколен. Кроме Саунино, подобные колокольни были в Ольховском погосте, Усть-Волошке, Бережной Дуброве» [20, с. 81]. Шестериковая колокольня также находилась при храме в Волосово. Колокольня в Пияле, также шестигранная, возможно, распространяет эту традицию ниже по течению реки Онеги.

Подводя итог рассмотрению своеобразия деревянного церковного зодчества Каргополя XVII–XVIII вв., можно сделать вывод о единстве и преемственности ярко выраженных локальных форм и приемов.

Анализ конфигураций покрытий основных объемов продемонстрировал самое широкое бытование в регионе кубоватых, клинчатых и бочечных завершений. Кубоватые храмы Каргополя представляют собой значительную часть памятников этого типологического подвида. К ним относятся церкви Св. Пророка Илии в Усть-Волгском погосте (1677), Рождества Богородицы в Бережной Дуброве (1678), Св. Архистратига Михаила Архангельского погоста (1713–1715), Св. Троицы Пабережского прихода (1724), Св. Архистратига Михаила в Ноколе (1792) и Св. Николая Чудотворца Надпорожского прихода (1792). В Каргополе наблюдается концентрация храмов и с клинчатой кровлей, начиная с Никольской церкви Пабережского прихода (1622?) и далее — Богоявления Кирилло-Челмогорской пустыни (1633), Богоявления Елгомской пустыни (1643), Свт. Николая Чудотворца в Шалакушском (1650) и Шежемском (1652–1667) приходах, Спаса на Валушках в каргопольской

крепости (1662), Успения Заднедубровского прихода (1675), Св. Троицы Канакшанского прихода (1705) и ансамбль церквей с клинчатым верхом в Лепшинском приходе. «Верх бочкой» отличает церковь Спасозерской пустыни (1647?), боковые приделы церкви Спаса на Валушках в каргопольской крепости (1662), Успенский храм Кирилло-Челмогорской пустыни (1674), трапезную церковь Рождества Богородицы в Спасском монастыре (Строкиной пустыни) в Каргополе (1692), а также монастырские церкви в Елгомской (1714) и Ямецкой Благовещенской (1719–1725) пустынях. Завершает этот ряд церковь Покрова Пресвятой Богородицы Ольховского погоста (1756). Распространенность бочечного покрытия в Каргополье сказала и на способах устройства завершения массивной бочкой алтарных прирубов в церквях Св. Илии Пророка Усть-Волгского погоста (1677), Свт. Николая Чудотворца в Волосово (1670), Рождества Богородицы в Бережной Дуброве (1678), Преображения Господня в Ольховском погосте (1690), Св. Троицы в Елгомской пустыни (1714), Св. Архистратига Михаила в Архангело (1715), Преображения Господня в Верхнечурьевском погосте (1754).

Восьмериковые церкви Каргополья также заметно выделяются на фоне таких универсальных и внерегиональных объемно-пространственных решений, как «восьмерик на четверике с трапезной» или крещатые церкви. К подобным «круглым» храмам относятся церкви Св. Пророка Илии Лепшинского прихода (1622?), Св. Параскевы Пятницы Красновского прихода (1653), Сретено-Михайловская церковь в Красной Ляге (1655), Свт. Николая Чудотворца в Ловзангском приходе (1660), Св. Пророка Илии в Задней Дуброве (1675), Свт. Николая Чудотворца в Астафьево (середина XVII в.), Преображенская церковь Верхнечурьевского погоста (1754), Благовещения Усть-Мошского прихода (1775), Св. Георгия Победоносца Речно-Георгиевского прихода (1777) и Богоявления в Ошевенском (1786–1794). Башнеобразные храмы, как и шестериковые колокольни Каргополья, можно рассматривать и на фоне фортификационного зодчества Поонежья, получившего в XVII столетии мощный импульс в связи со строительством Каргопольского, Усть-Мошского и Турчасовского острогов.

Каргопольские трапезные также представляют собой интересный локальный феномен. Его верхние хронологические границы прослеживаются в строительной практике XIX столетия, однако значительное количество проанализированных более ранних примеров подтверждает тезис Н. Н. Уткина, полагавшего, что «формировавшемуся в XVI веке в Каргополье типу трапезного храма предшествовала гораздо более древняя структура свободной связи холодного храма и теплой трапезной. Ее происхождение и формирование, по-видимому, нужно связывать с новгородским периодом освоения северных земель» [15, с. 96].

Характерные особенности каргопольского зодчества просматриваются в храмостроительстве не только в относительно узких границах Каргопольского стана (Верхнего Поонежья), но и севернее, в нижнем течении Онеги и на южных берегах Белого моря, играя заметную роль в формировании многообразия памятников деревянной архитектуры Русского Севера. Если происхождение кубоватой формы завершения установить пока не представляется возможным, то бочечный верх храма в поморской Лямце (1694), построенного Соловецкой обителью, явно становится отголоском каргопольской традиции, причем также свойственной монастырскому зодчеству: «церковь деревянная во имя преподобных отец Зоси-

мы и Савватия соловецких чудотворцев теплая с трапезою и с папертью покрыта бочкою об одной главе» [XII, л. 633]. Каргопольская практика возведения автономных трапезных также прослеживается в Нижнем Поонежье и в Поморье: в строительной истории Богоявленской церкви в Польском приходе на первом этапе была поставлена трапезная, которая сохранила свою автономность при сооружении сруба основного молельного помещения в 1853 г. В Лямце о самостоятельном характере трапезной можно судить на основании письменных источников: после пожара в вышеупомянутом теплом Зосимо-Савватьевском храме уцелевшую трапезную пристроили «ко второй холодной Ильинской церкви с лета северной и к западной стены паперти церковной, где и ход из трапезы в паперть» [15, с. 93]. Схожесть композиции каргопольских памятников (храмы Спаса на Валушках, а также Св. Николая в Павловском и Богоявления в Красновском приходах) и знаменитой церкви Благовещения в Турчасово в Нижнем Поонежье также свидетельствует о вполне зримых связях и влияниях. Обращает на себя внимание и последовательность освящения престолов церквей в Павловском приходе (1659, 1692 и 1703 гг.) и в Турчасово (1777–1778, 1795), где точкой отсчета строительной истории погостов и их смысловым ядром стали именно теплые храмы. Память об этом сохранялась долгие десятилетия. Даже в XIX в. составитель описания Турчасовского посада свящ. А. Ивановский по-прежнему подчеркивал самостоятельный и обособленный характер самого раннего Михайловского придела: «...три деревянные церкви построены по благословию Преосвященного Иоанникия Епископа Олонецкого и Каргопольского, тщанием прихожан, именно: Преображенский 1786-го года, Благовещенский 1795-го, и Михайловский 1777 года» [XIII, л. 2 об.].

Что касается ансамблевого характера каргопольской архитектуры, основной чертой которого становится связанность воедино его составных элементов с помощью папертей, галерей и переходов, то за пределами Каргополя эти качества обнаруживаются в комплексе Пятницкой церкви с колокольней в поморской Шуерецкой волости на Карельском берегу, где работал выходец с Поонежья Василий Корсаков — «Каргопольского уезду Крестного монастыря вотчине Вонгудской волости крестьянин» [XIV, л. 1]. В порядной от 5 марта 1757 г. оговорено, что Василий Корсаков должен «зделать с крыльца в колокольне ход с перилами и кровлю на два ската до самой колокольни до стен вплоть, да от того крыльца до Никольского мало пониже зделать переходы з балясами» [XIV, л. 6]. Переход из Пятницкой церкви в Никольскую хорошо виден на чертеже В. В. Сулова [1, рис. 14–15]. Таким образом, не только кубоватый верх Пятницкой церкви, но и свойственный деревянному зодчеству Каргополя способ соединения галереями всех элементов ансамбля в единый комплекс свидетельствуют о присутствии черт каргопольской архитектуры даже на Карельском берегу Белого моря.

Натурные обследования памятников и привлеченные архивные источники по истории храмостроительства Каргополя свидетельствуют о колоссальном творческом потенциале, который был в полной мере реализован в XVII–XVIII столетиях в живописном многообразии форм как отдельных памятников, так и общих ансамблевых решений. Не менее важным оказывается и то, что каргопольская традиция не осталась замкнутым в себе сугубо локальным феноменом. Ее распространение на смежные регионы и переплетение с архитектурой

Поморья масштабируют архитектуру Каргополя и делают ее одним из наиболее ярких и крупных явлений в широкой панораме памятников деревянного зодчества всего Русского Севера.

Литература

1. Суслов, Владимир. *Памятники древнего русского зодчества*. СПб.: Имп. Акад. художеств, 1895, вып. 1.
2. Суслов, Владимир. “Церкви в селе Агафоновском Олонецкой губернии Каргопольского уезда”. *Художественные сокровища России*, no. 6 (1901): 80–1.
3. Суслов, Владимир. “Церкви на Лядинском погосте Олонецкой губернии Каргопольского уезда”. *Художественные сокровища России*, no. 4 (1901): 55.
4. Суслов, Владимир. “Церковь Сретения и Архангела Михаила в селе Красная Ляга Олонецкой губ., Каргопольского уезда”. *Художественные сокровища России*, no. 5 (1901): 67.
5. Докучаев-Басков, Карп. “Подвижники и монастыри крайнего севера”. *Христианское чтение*, no. 7–8 (1889): 223–56.
6. Докучаев-Басков, Карп. *Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI–XIX веках*. М.: Изд. Имп. об-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1900.
7. Забелло, Софья. “Каргопольская экспедиция”. *Архитектурное наследие*, no. 5 (1955): 5–18.
8. Алферова, Галина. *Каргополь и Каргополье*. М.: Стройиздат, 1973.
9. Гунн, Генрих. *Каргопольский озерный край*. М.: Искусство, 1984.
10. Гунн, Генрих. *Каргополье — Онега*. М.: Искусство, 1989.
11. Мильчик, Михаил. “Алекса́ндро-Оше́венский монастырь и его роль в архитектурно-пространственной структуре волостей”. В изд. *Каргополь: историческое и культурное наследие*, науч. ред. и сост. Николай Решетников, 93–110. Каргополь: Каргопол. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, 1996.
12. Мильчик, Михаил. *Каргополь. Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. Документы и графические реконструкции*. СПб.: Лики России, 2008.
13. Мильчик, Михаил. “Поря́дная грамота 1692 г. на строительство деревянной церкви в Спасском монастыре Каргополя”. В изд. *Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия*, отв. ред. Андрей Бодэ, 65–81. СПб.: Коло, 2018, вып. 6.
14. Уткин, Николай. “К вопросу о мониторинге деревянных храмов Каргополя в контексте научно-реставрационной методологии”. В изд. *Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования: Материалы IX Каргопольской научной конференции*, науч. ред. Николай Решетников и Ирина Онучина, 188–95. Каргополь: Каргопол. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, 2006.
15. Уткин, Николай. “О формировании структуры деревянных приходских храмов и храмовых комплексов на Русском Севере”. В изд. *Народное зодчество. Межвузовский сборник*, отв. ред. Ирина Гришина, 87–97. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999.
16. Уткин, Николай. “Теплые церкви Архангельского Севера (предварительный обзор)”. В изд. *Памятники архитектуры Русского Севера*, сост. и отв. ред. Людмила Попова, 94–115. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1998.
17. Уткин, Николай. “Церковно-архитектурная топография города Каргополя XVIII — середины XIX в.” В изд. *Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции*, науч. ред. и сост. Николай Решетников, 50–9. М.: [б. и.], 2002.
18. Демчук, Галина, и Николай Уткин. “Посвящения церквей в Каргопольском уезде по сотным выписям XVI в.” В изд. *Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции*, науч. ред. и сост. Николай Решетников, 37–45. М.: [б. и.], 2002.
19. Бодэ, Андрей. *Деревянное зодчество Русского Севера: Архитектурная сокровищница Поонежья*. М.: URSS, 2005.
20. Бодэ, Андрей. “Деревянные поонежские храмы XVII века. История, архитектура, современное состояние”. В изд. *XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научной конференции*, науч. ред. Николай Решетников, сост. Наталья Тормосова, 77–84. Каргополь: Каргопол. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, 2012.

21. Бодэ, Андрей. “Поонежские покрытые бочкой храмы”. В изд. *Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования: Материалы IX Каргопольской научной конференции*, науч. ред. Николай Решетников и Ирина Онучина, 196–203. Каргополь: Каргопол. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, 2006.
22. Бодэ, Андрей. “Сретено-Михайловская церковь в бывшей деревне Красная Ляга. Новые данные по истории и архитектуре”. *Архитектурное наследство*, no. 55 (2011): 69–78.
23. Бодэ, Андрей, и Анастасия Терентьева. “Благовещенская церковь в деревне Пустынька. История, архитектура, характерные особенности”. *Архитектурное наследство*, no. 57 (2012): 101–14.
24. Бодэ, Андрей. “Верх клинчатой? Одна из особенностей деревянных церквей Русского Севера”. *Архитектурное наследство*, no. 53 (2010): 54–63.
25. Бодэ, Андрей. *Древние московские и новгородские корни в деревянном храмовом зодчестве Русского Севера*. М.: Прогресс-Традиция, 2019.
26. Старицын, Александр. “Уникальный источник по истории сельских приходов Каргопольского уезда”. *Вестник церковной истории*, no. 3–4 (2011): 261–308.
27. Побезимов, Андрей. “К вопросу об определении колонизационных путей в Поонежье”. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки* 108, no. 3 (2010): 63–71.
28. Тормосова, Наталья. *Каргополье. История исчезнувших волостей*. Каргополь: Правда Севера, 2011.
29. Крехалева, Наталья. “Административно-территориальное деление Каргопольского уезда в XVI–XX вв.” В изд. *Каргополь: историческое и культурное наследие*, науч. ред. и сост. Николай Решетников, 77–87. Каргополь: Каргопол. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, 1996.
30. Васильев, Юрий. “Источники по истории Онежского-Каргопольского края XVI–XVII вв. (Материалы писцового делопроизводства и внутривотчинных описаний)”. В изд. *Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования: Материалы IX Каргопольской научной конференции*, науч. ред. Николай Решетников и Ирина Онучина, 8–15. Каргополь: Каргопол. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, 2006.
31. Орфинский, Вячеслав, и Ирина Гришина. *Типология деревянного культового зодчества Русского Севера*. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2004.
32. “Писцовая книга 1622 года Устьмошского стана Каргопольского уезда”. В изд. *Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858–1869 годы*, 120–88. Петрозаводск: Изд. Олонец. губерн. статист. комитета, 1869, ч. 3.
33. Макаров, Николай. *Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья*. Архангельск: [б. и.], 2007.
34. *Известия Императорской Археологической комиссии*, no. 52. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1914.
35. *Константин Коровин вспоминает...*, сост., авт. вступ. ст. и коммент. Илья Зильберштейн и Владимир Самков. М.: Изобразительное искусство, 1971.
36. Шаповалова, Людмила. “Каргопольские храмы с бочечным завершением”. В изд. *Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования: Материалы IX Каргопольской научной конференции*, науч. ред. Николай Решетников и Ирина Онучина, 204–13. Каргополь: Каргопол. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, 2006.
37. Ходаковский, Евгений, Анна Ермакова, и Екатерина Фролова. “Никольская церковь в Ловзанге — памятник деревянного зодчества Каргополья конца XIX века”. *Архитектурное наследство*, no. 71 (2019): 79–88.
38. Вахрамеева, Татьяна. “Реконструкция Ильинской церкви в д. Задняя Дуброва”. В изд. *Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: межвуз. сб.*, отв. ред. Вячеслав Орфинский, 65–74. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1985.
39. Марков, Борис, Е. Сацук, и О. Степанова. “Графическая реконструкция погоста Задняя Дуброва”. В изд. *Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: межвуз. сб.*, отв. ред. Вячеслав Орфинский, 75–80. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1985.
40. Ополовников, Александр. *Русское деревянное зодчество*. М.: Искусство, 1986.
41. Ушаков, Юрий. “Храмовый комплекс села Поздышево (Агафоново) Архангельской области как пример реконструкции полностью несохранившегося ансамбля русского деревянного зодчества”. В изд. *Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия*

Русского Севера: межвуз. сб., отв. ред. Вячеслав Орфинский, 146–63. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1989.

42. Шургин, Игорь. “Объемно-планировочные изменения деревянных церквей типа ‘восьмерик от земли с двумя прирубамми’ с конца XVII по XVIII век”. В изд. *Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия*, отв. ред. Андрей Бодэ, 171–95. СПб.: Коло, 2018, вып. 6.
43. *Ошевенское. История одного храма [Каталог выставки]*, вступ. ст. Елена Кутукова, Елена Заручевская и Татьяна Кольцова. М.: Три квадрата, 2019.
44. Модестов, Иоанн. “Канакшанский приход”. *Олонецкие губернские ведомости*, no. 43 (1860): 2–3.
45. Петров, Константин. “Усть-Моша”. *Олонецкие губернские ведомости*, no. 22 (1864): 103–5.

Источники

- I. ГБУ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 10/10.
- II. ГБУАО «ГААО». Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 157.
- III. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 450. Оп. 1. Д. 701.
- IV. Научный архив КарНЦ РАН. Р. VIII. Оп. 1. Д. 16.
- V. РГИА. Ф. 796. Оп. 37. Д. 175.
- VI. Научно-исторический архив СПБНИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 41.
- VII. ГБУ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 39/444.
- VIII. ГБУ НА РК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 5/58.
- IX. ГБУ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 51/578.
- X. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 35. Ч. 2.
- XI. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 35. Ч. 1.
- XII. Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля. Инв. № рук-коп. 1404.
- XIII. Научный архив РГО. Р. I. Оп. 1. Д. 73.
- XIV. Научный архив КарНЦ РАН. Р. I. Оп. 3. Д. 224.

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 6 мая 2024 г.

Контактная информация:

Ходаковский Евгений Валентинович — д-р искусствоведения, доц.;
<https://orcid.org/0000-0003-1800-327X>, E.Khodakovsky@spbu.ru

Wooden Church Architecture of Kargopol and the River Onega Areas in 17th–18th Centuries*

E. V. Khodakovsky

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
ANO “Research and Restoration of Wooden Architecture Monuments ‘Tradition’”,
130, Leningradskoe shosse, Moscow, 125445, Russian Federation

For citation: Khodakovsky, Evgeny. “Wooden Church Architecture of Kargopol and the River Onega Areas in 17th–18th Centuries”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 14, no. 3 (2024): 561–580. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2024.307> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of the typological diversity and artistic and expressive means of wooden church architecture of Kargopol’ area in the 17th–18th centuries — one of

* The reported was supported by the Russian Science Foundation within the project no. 24-28-01625 “Wooden Churches of the Lower Onega of the 17th–19th Centuries. Architecture, Typology, Traditions”. <https://rscf.ru/project/24-28-01625/>.

the most interesting regions of the Russian North. An examination of the configurations of the roofing of the main volumes demonstrates the widespread existence of various types. The cube-shaped churches of Kargopol' area represent a significant part of the monuments of this typological subspecies, also localized in the Lower Onega River and southern White Sea region. At the same time, in Kargopol' area there is a concentration of temples with a wedge roof and a "barrel" top. The research of spatial solutions shows that the octagonal churches of Kargopol' area stand out noticeably against the background of such universal and extra-regional compositions as "an octagonal structure on a quadrangle with a refectory" or cross-planned churches. Tower-shaped churches, like the six-walled bell towers of Kargopol' area, can also be seen against the background of the fortification architecture in the Lower Onega River, which received a powerful impetus in the 17th century in connection with the construction of the Kargopol, Ust-Mosh and Turchasovsky forts. Kargopol refectories "with free communication" are also becoming a kind of local phenomenon. The main feature of the ensemble character of Kargopol architecture is the connection between the constituent elements with the help of porches, galleries and passages. Field surveys of monuments and the use of archival sources on the history of temple construction in Kargopol' area testify to the colossal creative potential that was fully realized during the 17th–18th centuries in the picturesque variety of forms of both individual monuments and general ensemble solutions. No less important is the fact that the Kargopol' tradition did not remain closed in itself; its spread to adjacent regions and interweaving with the architecture of the Lower Onega River and on the White Sea coasts scales up the architecture of Kargopol' area and makes it one of the most striking and large phenomena in the wide panorama of wooden architecture monuments throughout the Russian North.

Keywords: wooden architecture, Russian North, Kargopol', Kargopol' district, Onega River, church architecture, history of Russian architecture.

References

1. Suslov, Vladimir. *Monuments of Old Russian Architecture*. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia khudozhestv Publ., 1895, iss. 1. (In Russian)
2. Suslov, Vladimir. "Churches in the village of Agafonovskoe of Olonets province, Kargopol' District". *Khudozhestvennye sokrovishcha Rossii*, no. 6 (1901): 80–1. (In Russian)
3. Suslov, Vladimir. "Churches on the Lyadiny pogost of Olonets province, Kargopol' District". *Khudozhestvennye sokrovishcha Rossii*, no. 4 (1901): 55. (In Russian)
4. Suslov, Vladimir. "Church of the Presentation in the Temple and of Archangel Michael in the village of Krasnaja Lyaga, Olonets province, Kargopol' District". *Khudozhestvennye sokrovishcha Rossii*, no. 5 (1901): 67. (In Russian)
5. Dokuchaev-Baskov, Karp. "Devotees and monasteries of the Far North". *Khristianskoe chtenie*, no. 7–8 (1889): 223–56. (In Russian)
6. Dokuchaev-Baskov, Karp. *Parish Life in Kargopol in 16th–19th centuries*. Moscow: Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1900. (In Russian)
7. Zabello, Sof'ja. "Kargopol' Expedition". *Arkhitekturnoe nasledstvo*, no. 5 (1955): 5–18. (In Russian)
8. Alferova, Galina. *Kargopol' and Kargopol' district*. Moscow: Stroiizdat Publ., 1973. (In Russian)
9. Gunn, Genrih. *Kargopol' lake countryside*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984. (In Russian)
10. Gunn, Genrih. *Kargopol' — Onega*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1989. (In Russian)
11. Mil'chik, Mihail. "Aleksandro-Oshevsky monastery and Its Role in architectural and artistic structure of the neighbourhood". In *Kargopol': istoricheskoe i kul'turnoe nasledie*. Ed. and comp. by Nikolai Reshetnikov, 93–110. Kargopol: Kargopol'skii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik Publ., 1996. (In Russian)
12. Mil'chik, Mihail. *Kargopol'. Wooden fortress and forts along the Onega River. Documents and graphic reconstructions*. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 2008. (In Russian)
13. Mil'chik, Mihail. "Contract of 1692 for the construction of a wooden church in the Spassky Monastery of Kargopol". In *Dereviannoe zodchestvo. Novye materialy i otkrytiia*, ed. by Andrei Bode, 65–81. St. Petersburg: Kolo Publ., 2018, iss. 6. (In Russian)

14. Utkin, Nikolai. "On the issue of monitoring wooden temples of Kargopol in the context of scientific restoration methodology". In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Russkogo Severa. Problemy izucheniia, sokhraneniia i ispol'zovaniia: Materialy IX Kargopol'skoi nauchnoi konferentsii*, eds Nikolai Reshetnikov, and Irina Onuchina, 188–95. Kargopol: Kargopol'skii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik Publ., 2006. (In Russian)
15. Utkin, Nikolai. "On the formation of the structure of wooden parish churches and church emblems in the Russian North". In *Narodnoe zodchestvo. Mezhvuzovskii sbornik*, ed. by Irina Grishina, 87–97. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1999. (In Russian)
16. Utkin, Nikolai. "Warm churches of the Arkhangel'sk North (preliminary review)". In *Pamiatniki arkhitektury Russkogo Severa*, comp. and ed. by Liudmila Popova, 94–115. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1998. (In Russian)
17. Utkin, Nikolai. "Church and architectural topography of the city of Kargopol in the 18th — mid-19th centuries". In *Khristianstvo i Sever. Po materialam VI Kargopol'skoi nauchnoi konferentsii*, ed. and comp. by Nikolai Reshetnikov, 50–9. Moscow: [s. n.], 2002. (In Russian)
18. Demchuk, Galina, and Nikolai Utkin. "Dedications of churches in the Kargopol district according to extracts of the 16th century". In *Khristianstvo i Sever. Po materialam VI Kargopol'skoi nauchnoi konferentsii*, ed. and comp. by Nikolai Reshetnikov, 37–45. Moscow: [s. n.], 2002. (In Russian)
19. Bode, Andrei. *Wooden architecture of the Russian North: Architectural treasury of the Onega River*. Moscow: URSS Publ., 2005. (In Russian)
20. Bode, Andrei. "Wooden churches of the Onega River in the 17th century. History, architecture, current state". In *XVII vek v istorii i kul'ture Russkogo Severa. Materialy XII Kargopol'skoi nauchnoi konferentsii*, ed. by Nikolai Reshetnikov, comp. by Natal'ia Tormosova, 77–84. Kargopol: Kargopol'skii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik Publ., 2012. (In Russian)
21. Bode, Andrei. "Churches with 'barrelled roof' on the Onega River". In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Russkogo Severa. Problemy izucheniia, sokhraneniia i ispol'zovaniia: Materialy IX Kargopol'skoi nauchnoi konferentsii*, eds Nikolai Reshetnikov, and Irina Onuchina, 196–203. Kargopol: Kargopol'skii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik Publ., 2006. (In Russian)
22. Bode, Andrei. "The Presentation in the Temple and Saint Michael's Church in the former village of Krasnaya Lyaga. New Data on History and Architecture". *Arkhitekturnoe nasledstvo*, no. 55 (2011): 69–78. (In Russian)
23. Bode, Andrei, and Anastasiia Terent'eva. "Church of the Annunciation in the Village of Pustynka. History, Architecture, Characteristic Features". *Arkhitekturnoe nasledstvo*, no. 57 (2012): 101–14. (In Russian)
24. Bode, Andrei. "The Wedged Top'. One of the Features of Wooden Churches of the Russian North". *Arkhitekturnoe nasledstvo*, no. 53 (2010): 54–63. (In Russian)
25. Bode, Andrei. *Ancient Moscow and Novgorod roots in wooden Church architecture of the Russian North*. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2019. (In Russian)
26. Staritsyn, Aleksandr. "A Unique Source on the History of Rural Parishes of Kargopol district". *Vestnik tserkovnoi istorii*, no. 3–4 (2011): 261–308. (In Russian)
27. Pobezhimov, Andrei. "On the issue of determining colonization routes in Poonezh'e". *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* 108, no. 3 (2010): 63–71. (In Russian)
28. Tormosova, Natal'ia. *Kargopolye. History of the Disappeared Parishes*. Kargopol: Pravda Severa Publ., 2011. (In Russian)
29. Krekhaleva, Natal'ia. "Administrative-Territorial Division of Kargopol District in 16th–20th Centuries". In *Kargopol': istoricheskoe i kul'turnoe nasledie*, ed. and comp. by Nikolai Reshetnikov, 77–87. Kargopol: Kargopol'skii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik Publ., 1996. (In Russian)
30. Vasil'ev, Iurii. "Sources on the History of the Onega-Kargopol Region in the 16th and 17th Centuries. (Materials of Scribe Records and Intra-Patrimonial Descriptions)". In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Russkogo Severa. Problemy izucheniia, sokhraneniia i ispol'zovaniia: Materialy IX Kargopol'skoi nauchnoi konferentsii*, eds Nikolai Reshetnikov, and Irina Onuchina, 8–15. Kargopol: Kargopol'skii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik Publ., 2006. (In Russian)
31. Orfinskii, Viacheslav, and Irina Grishina. *Typology of Wooden Religious Architecture of the Russian North*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2004. (In Russian)

32. "Scribe book of 1622 of the Ust-Mosha part of the Kargopol district". In *Pamiatnaia knizhka Oloneckoi gubernii za 1858–1869 gody*, 120–88. Petrozavodsk: Izdanie Olonetskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta Publ., 1869, pt. 3. (In Russian)
33. Makarov, Nikolai. *Church Parishes and Monasteries of Kenozerye and Middle Poonezhye*. Arkhangelsk: [s. n.], 2007. (In Russian)
34. *Proceedings of the Imperial Archaeological Commission*, no. 52. St. Petersburg: Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov Publ., 1914. (In Russian)
35. *Konstantin Korovin remembers...*, comp. by Il'ia Zil'bershtein, and Vladimir Samkov. Moscow: Izo-brazitel'noe iskusstvo Publ., 1971. (In Russian)
36. Shapovalova, Liudmila. "Kargopol' Churches with Barreled Roof". In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Russkogo Severa. Problemy izucheniia, sokhraneniia i ispol'zovaniia: Materialy IX Kargopol'skoi nauchnoi konferentsii*, eds Nikolai Reshetnikov, and Irina Onuchina, 204–13. Kargopol: Kargopol'skii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik Publ., 2006. (In Russian)
37. Khodakovskiy, Evgeny, Anna Ermakova, and Ekaterina Frolova. "St. Nicholas Church in Lovzanga — a Monument of Wooden Architecture of Kargopol of the late 19th century". *Arkhitekturnoe nasledstvo*, no. 71 (2019): 79–88. (In Russian)
38. Vakhrameeva, Tat'iana. "Reconstruction of the St. Elias Church in the Village of Zadnaya Dubrova". In *Problemy issledovaniia, restavratsii i ispol'zovaniia arkhitekturnogo nasledii Karelii i sopedel'nykh oblastei: mezhvuzovskii sbornik*, ed. by Viacheslav Orfinskii, 65–74. Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1985. (In Russian)
39. Markov, Boris, E. Sacuk, and O. Stepanova. "Graphic reconstruction of the Zadnaya Dubrova church-yard". In *Problemy issledovaniia, restavratsii i ispol'zovaniia arkhitekturnogo nasledii Karelii i sopedel'nykh oblastei: mezhvuzovskii sbornik*, ed. by Viacheslav Orfinskii, 75–80. Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1985. (In Russian)
40. Opolovnikov, Aleksandr. *Russian Wooden Architecture*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986. (In Russian)
41. Ushakov, Iurii. "The Church Ensemble of the Village of Pozdyshevo (Agafonovo) in the Arkhangelsk Region as an Example of the Reconstruction of a Completely Unpreserved Ensemble of Russian Wooden Architecture". In *Problemy issledovaniia, restavratsii i ispol'zovaniia arkhitekturnogo nasledii Russkogo Severa: mezhvuzovskii sbornik*, ed. by Viacheslav Orfinskii, 146–63. Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1989. (In Russian)
42. Shurgin, Igor'. "On Space-Planning Changes of the type 'Octagonal from the Ground with Two Cuts' from the end of the 17th century to the 18th century". In *Dereviannoe zodchestvo. Nove materialy i otkrytiia*, ed. by Andrei Bode, 171–95. St. Petersburg: Kolo Publ., 2018, iss. 6. (In Russian)
43. *Oshevskoe. A History of a Church [Catalogue]*, intr. by Elena Kutukova, Elena Zaruchevskaia, and Tat'iana Kol'cova. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2019. (In Russian)
44. Modestov, Ioann. "Kanakshansky parish". *Olonetskie gubernskie vedomosti*, no. 43 (1860): 2–3. (In Russian)
45. Petrov, Konstantin. "Ust'-Mosha". *Olonetskie gubernskie vedomosti*, no. 22 (1864): 103–5. (In Russian)

Sources

- I. GBU NA RK. F. 25. Op. 12. D. 10/10 [National Archive of the Republic of Karelia. Stock 25. Inventory 1. Dossier 10/10]. (In Russian)
- II. GBU "GAAO". F. 29. Op. 4. T. 3. D. 157 [State Archive of Archangelsk Oblast. Stock 29. Inventory 4. Vol. 3. Dossier. 157]. (In Russian)
- III. Otdel pis'mennykh istochnikov Istoricheskogo muzeia. F. 450. Op. 1. D. 701 [Department of Written Sources of the State Historical Museum. Stock 450. Inventory 1. Dossier 701]. (In Russian)
- IV. Nauchnyi arkhiv KarNTs RAN. R. VIII. Op. 1. D. 16 [Scientific Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. Stock VIII. Inventory 1. Dossier 16] (In Russian)
- V. RGIA. F. 796. Op. 37. D. 175 [Russian State Historical Archive. Stock 796. Inventory 37. Dossier 175]. (In Russian)
- VI. Nauchno-istoricheskii arkhiv SPbII RAN. Kol. 115. Op. 1. D. 41 [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Col. 115. Inventory 1. Dossier 41]. (In Russian)
- VII. GBU NA RK. F. 25. Op. 20. D. 39/444 [National Archives of the Republic of Karelia. Stock 25. Inventory 20. Dossier 39/444]. (In Russian)

- VIII. GBU NA RK. F.2. Op. 50. D. 5/58 [National Archives of the Republic of Karelia. Stock 2. Inventory 50. Dossier 5/58]. (In Russian)
- IX. GBU NA RK. F.25. Op. 20. D. 51/578 [National Archives of the Republic of Karelia. Stock 25. Inventory 20. Dossier 51/578]. (In Russian)
- X. RGAVMF. F. 177. Op. 1. D. 35. Ch. 2 [Russian State Archive of the Navy. Stock 177. Inventory 1. Dossier 35. Part 2]. (In Russian)
- XI. RGAVMF. F. 177. Op. 1. D. 35. Ch. 2 [Russian State Archive of the Navy. Stock 177. Inventory 1. Dossier 35. Part 1]. (In Russian)
- XII. Otdel rukopisnykh, pechatnykh i graficheskikh fondov Muzeia Moskovskogo Kremliia. Inv. № Ruk. 1404 [Department of handwritten, printed and graphic collections of the Moscow Kremlin Museums. Inv. no. 1404]. (In Russian)
- XIII. Nauchnyi arkhiv RGO. R. 1. Op. 1. D. 73 [Scientific Archive of the Russian Geographical Society. Stock 1. Inventory 1. Dossier 73]. (In Russian)
- XIV. Nauchnyi arkhiv KarNTs RAN. R. I. Op. 3. D. 224 [Scientific Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. Stock I. Inventory 3. Dossier 224]. (In Russian)

Received: February 11, 2024

Accepted: May 6, 2024

Author's information:

Evgeny V. Khodakovsky — Dr. Habil. in Arts, Associate Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-1800-327X>, E.Khodakovsky@spbu.ru